

Z 17

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17190022
ISBN 9785447447021

Аннотация

Это книга о любви, написанная 17-летним подростком. Это книга о горечи утрат. Это книга о неизлечимой болезни. Это книга о жизни, оборвавшейся в один миг. Это книга о прошлом, которое стало частью настоящего. И она научит вас видеть прекрасное даже тогда, когда его просто нет. Меня зовут Z. Я расскажу вам свою историю.

Содержание

I	5
II	14
III	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

17

Z

«Remember, I'll always love you. Bye».¹
Это всё, что она хотела сказать

*На сто катастроф рождается лишь один человек, который
умеет любить*

© Z, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Начало конца

На севере Подмоскovie медленно разливался закат, рисуя на невысоких домах очертания пугливых теней, менявшихся в размерах при виде каждого проезжающего автомобиля и проходящего пешехода... Июнь рассыпал конфетти тополиного пуха, устилая дороги мягким покрывалом и доводя до бешенства горожан, поминутно стряхивающих с одежды навязчивых и беспокойных пушистых гостей.

Солнце обжигало лучами и без того раскaлённую землю.

Над городом висел непроглядный смог: лесные пожары сделали своё дело. Впервые за много лет леса загорелись в самом начале июня, что не предвещало ничего хорошего. Всем было известно: дым не покинет город до осени. Правила устанавливал тлеющий торф, а не пожарные расчеты.

И первый ещё долго не собирался сдаваться.

Я стоял на балконе, распахнув окно, обитое жёлтой москитной сеткой, и вдыхал запах пожара, приближающегося к дачному посёлку в двух десятках километров от нас.

Под куполом дыма долгожданные каникулы казались вялыми и унылыми. Уже неделю я слонялся из комнаты в комнату, пытаюсь найти хоть какое-нибудь развлечение. Мой телефон молчал: друзья разъехались, и писать было некому. В роуминге никто из них не стал бы просматривать мои сообщения и набирать ответ, тем более не снял бы трубку.

Видя спасение в книгах, я читал пройденное ещё зимой «Преступление и наказание».

В следующем году мне предстоял экзамен по литературе – классика стала жизненной необходимостью.

Но я хотел вырваться.

Освежиться.

Уехать.

Туда, где меня не станут искать.

Я был готов на всё ради смены действительности, похожей на плохо отредактированный фотоснимок.

Часы в гостинной пробили семь, но родители почему-то не спешили возвращаться с работы.

Застряли в очередной пробке.

Из состояния полусна, навеянного копошившимися в голове мыслями, меня вывел звонок телефона. На сенсорном дисплее высветилось имя одноклассницы, оставшейся в задыхающемся городе. На такой смелый поступок не решился больше никто из моих друзей.

– Привет, – грустно сказал я.

– Привет! Не хочешь завтра сходить в кино? Моя мама снова уехала в командировку. От скуки я просто схожу с ума!

– Какой фильм?

– Я пока не смотрела, но, если ты согласишься, загляну на сайт.

– С удовольствием, – ответил я.

В моих глазах блеснула радостная искра.

– Отлично. Давай встретимся в десять возле твоего дома.

– Да. Хорошо. До завтра. Пришлешь название фильма?

– Сначала узнаю, что сейчас в прокате.

– Ладно. Пока.

– Пока!

Единственная приятная новость за весь день. Я решил дожидаться сообщения от Ани и уселся в кресло с «Преступлением и наказанием». Когда я прочитал четыре страницы, телефон зазвонил опять.

– Утром идут сразу три фильма: «Шпион», «Астрал» и «Под электрическими облаками». Я думаю, неплохо попасть на последний. Там что-то о психологии толпы, если не ошибаюсь.

– Да. Я это люблю. Во сколько?

– В 10:30. Надеюсь, успеем.

– Должны. До завтра.

Я раскрыл ноутбук и зашёл на свою страничку в социальной сети. Бегло пролистал ленту и захлопнул крышку. Ничего нового, кроме средств для эффективного увеличения губ и избавления от полового бессилия... Видимо, компании с раздутой сетевой репутацией еще не произвели лучших товаров, чем мази, которые заставляют как на дрожжах расти то, чего нет, и лечат от того, что неизлечимо...

В фототеке моего телефона осталось множество снимков с последнего в учебном году классного часа. Я принялся их рассматривать. На одной из фотографий мы с Аней стояли вместе возле доски, стирая с неё оставшиеся после урока записи. Длинное платье девушки начиналось чуть ниже плеч. На запястье правой руки искрился тонкий золотой браслет. Распущенные волосы закрывали спину.

Аня была прекрасна.

Я и сегодня не могу забыть взгляд пепельно-серых глаз, обращённый в самые затаённые уголки души, словно пытающийся увидеть в человеке вечность.

Лёгкий изгиб губ.

Нежный, но величественный профиль.

Аня удивительно хорошо умела растапливать даже самые холодные сердца, но держалась ото всех в стороне, парадоксально боясь не только людей, но и своего одиночества.

Я был её лучшим другом. Мы дружили с пятого класса. С того времени, как Аня перевелась в нашу школу.

Когда-то одноклассники приписывали нам ясную и безоговорочную любовь.

На самом деле ни Ане, ни мне не удалось полюбить за целых 17 лет жизни.

Сейчас эта фраза кажется мне смешной.

Но тогда я думал именно так.

Аня нравилась мне как понимающий человек, не стремящийся перейти границу дружеских отношений. Она ценила меня за те же качества.

Последнее время Аня стала особенно молчаливой, словно кто-то лишил девушку прежней напускной весёлости в обществе одноклассников. Раньше она могла часами смеяться над глупой шуткой соседки по парте, с наслаждением беседовать о прочитанной книге на уроке алгебры, не слыша того, что её вызывают к доске решать непонятный (по крайней мере, мне) пример, часами слушать музыку, переводить на свой лад иностранные тексты...

Листая фотографии, я не заметил, как солнце, медленно плавившееся за пеленой дыма, начало угасать.

Я снова вернулся на балкон. Ещё никогда вечера не нагоняли на меня такую тоску. Время угасания словно предупреждало о неизбежном.

Предупреждало, но так и не смогло предупредить.

Неожиданно для себя я представил, как будет выглядеть закат моего последнего дня, как я буду лежать в постели, смотреть в потолок и лихорадочно вспоминать то, что так и не смог, не успел сделать в жизни. А потом душа улетит далеко-далеко.

Туда, где больше никто не сможет её найти.

Глупо говорить об этом в 17 лет.

Я захлопнул окно, а спустя мгновение в замке повернулся ключ. Родители приехали с работы.

– Привет, – вяло произнёс папа.

– Привет.

Я ушёл разбирать покупки на кухню.

– Снова весь день сидел дома? – спросила мама под лязганье металлических вешалок в гардеробе, который служил чудесным местом хранения не только одежды, но и всякого барахла вроде семян и бензопилы.

– Да, читал «Преступление и наказание».

– Саша, послушай меня. Ты должен уделять время отдыху. Хотя бы на каникулах. Разве тебе не с кем погулять?

– Завтра я иду в кино с Аней.

– Вильчинской?

– Да.

– Ну вот и славно, – заключил папа.

– Я купила десерт! Скорее ставь чайник! – воскликнула мама и бережно вынула из сумки коробку с профитролями.

– Спасибо. Я не голоден, – сказал я, не зная, какой аргумент выдумать, чтобы не лакомиться пирожными с апельсиновым кремом, от одного вида которых меня начинало тошнить.

– Ладно. Не забудь оплатить счета. Возьми кредитку из папиной сумки.

Копаться в квитанциях лучше, чем есть профитроли.

Я достал планшет, перевёл изрядную сумму городскому банку и написал Ане.

– У меня разболелась голова. Надеюсь, завтра она мне не помешает, – высветилось её сообщение на экране.

– Прими обезболивающее.

– Я уже пробовала. Врач выписал мне таблетки, но они не действуют.

– Тогда попробуй поспать. Это помогает.

– Спасибо. Пока. Мне трудно писать.

Нажав кнопку блокировки, я положил гаджет на правый подлокотник кресла.

Головная боль Ани, видимо, передалась и мне. Я сидел, стараясь не шевелиться. Мысли сменяли друг друга, но я так и не смог соединить их во что-то целое. Ускользая и появляясь вновь, они бродили по моему мозгу, смешивались и рассыпались на сотни частей, словно брызги в городском фонтане.

Чтобы отвлечься, я стал разглядывать идеально ровный ворс белого ковролина.

Родители включили телевизор в соседней комнате, и, несмотря на плотно закрытую дверь, до меня долетали звуки вечернего шоу – очередной «большой стирки», в которой участвовали обездоленные семьи, пьяные мужчины и эпатажные женщины, одержимые поиском справедливости.

Ворс на ковре петлял, образуя узоры-лабиринты... Облокотившись на мягкую спинку, я закрыл глаза, и тело моментально парализовал сон.

Мы с Аней шли среди высокой травы. Ветер путался в волосах, напевая свою протяжную песню. Впереди раскидывалось бескрайнее поле.

Аня о чем-то говорила. Я молчал. Мы шли очень долго, и наконец перед нами появился маленький белый домик с блестящими глазницами окон, в которых то и дело вспыхивал свет.

Когда мы сделали несколько шагов, резная деревянная дверь отворилась. Навстречу нам вышел человек, закутанный в чёрный балахон.

В его руке блестел остро отточенный серп.

Я сразу понял, кто перед нами.

От ужаса мне хотелось кричать, но крик не вырывался из горла. Мне хотелось бежать, но я стоял, не в силах пошевелиться.

Фигура приближалась.

Она подошла к Ане и дотронулась до её плеча...

Она подошла к Ане и...

Проснувшись, я не сразу понял, где нахожусь. Проекционные часы высвечивали на потолке время: 3:01.

Я осторожно пробрался на кухню, залпом выпил стакан ледяной воды и лёг на кровать.

Головная боль, разыгравшаяся вечером, утихла, а из окна в комнату проникало гораздо меньше дыма. Дышалось легко.

Продолжая испытывать суеверный страх, я не мог сомкнуть веки. Сон вернулся лишь под утро.

Спокойный сон.

Я встал ровно в 9 и, мгновенно сообразив, что опаздываю, помчался в ванную. Зеркало, к счастью, не сообщило ничего ужасного. Разве что правая щека была изрядно помята, а волосы – сильно растрёпаны, как будто кто-то всю ночь таскал меня по квартире.

На кухонном столе я нашёл записку от мамы: «Папа защищает проект, поэтому мы едем в конференц-центр. Вернёмся поздно. Проведи день с пользой».

В 9:58 я выскочил из квартиры. Старый лифт с лязгом повёз меня вниз, преодолевая десять этажей, что уже давно было ему не под силу. Я шагнул в умиротворяющую прохладу июньского утра.

Возле подъезда остановилось такси. Аня сидела на заднем сиденье зелёной «девятки» и махала мне рукой.

Я отрыл переднюю дверцу и плюхнулся в кресло, обтянутое грязным чехлом.

– Привет.

– Привет. Я слишком долго возилась с причёской и боялась, что мы опоздаем на сеанс. Но я успела. Фильм, который я выбрала вчера, оказался мне скучным. Я решила, что лучше поехать в другой кинотеатр.

Аня улыбнулась и поправила выбившийся локон.

– И что мы будем смотреть?

– «Век Адалин». Я почитала немного об этом фильме. Главная героиня попала в аварию и перестала стареть, но пожертвовала вечной жизнью ради любви.

– Надеюсь, это что-то стоящее.

– Я всегда зову тебя только на стоящие вещи.

– Вы не закрыли дверь, – рявкнул таксист.

– Сейчас. Простите.

Взглянув на приборную панель, водитель завёл машину.

Она с рывком тронулась и стала набирать скорость.

Я понял справедливость надписи на крышке багажника: «Учился ездить в GTA». Хотя и в компьютерной игре мой двоюродный брат водил лучше.

Мы не могли разговаривать: слова заглушало ворчание двигателя.

Я не сводил глаз с отражения Ани в зеркале заднего вида. Лёгкое розовое платье плавно спускалось до самых колен, слегка обхватывая талию. В волосы были бережно вплетены синие гортензии. Безупречный макияж и аккуратный французский маникюр завершали образ, в который невозможно не влюбиться с первого взгляда.

На моём месте кто-нибудь обязательно бы это сделал.

Таксист решил сократить путь и повёз нас через дворы. Чтобы не столкнуться с одним из выезжавших автомобилей, водитель резко выкрутил руль вправо и ударил ногой по педали тормоза. Сзади послышался глухой удар. Аня стукнулась головой о моё сиденье.

– Не ушиблась?

– Всё нормально.

Машина рванула в узкий переулок.

Вскоре за низкими пятиэтажками выросло здание торгового центра с вывеской кинотеатра. Таксист высадил нас на парковке. Высадил. Я подобрал правильное слово.

– Сколько? – спросил я не своим голосом.

– Двести.

– Ну и поездочка! – засмеялась Аня, отряхивая подол платья.

– Это лучшее путешествие в моей жизни...

– Бежим. До начала всего пять минут.

У касс кинотеатра стояло несколько человек. Мы быстро взяли билеты и вошли в полупустой зал. Когда мы сели, на потолке вспыхнули крошечные светодиоды. Экран ожил.

– Тебе не кажется, что мы забыли попкорн? – спросила Аня. – Я думаю, ты мог бы его купить, пока идёт реклама. И, пожалуйста, возьми мне воды.

– Хорошо, сейчас.

Молодой бармен приветливо улыбнулся, увидев меня.

– Сладкий попкорн и две бутылки холодной Icelandic.

– Любите ледниковую воду? – поинтересовался продавец.

– Да. Это лучшее, что можно придумать в такую жару.

– А не хотите попробовать наш новый коктейль?

– Нет. Только попкорн и воду, – отрезал я, видя, как парень достаёт из холодильника ёмкость со странной надписью «Июньский снег».

Расплатившись, я вернулся в зал. Фильм уже начался. Я протянул одну бутылку Ане и поставил попкорн между креслами. Девушка слегка кивнула и принялась сосредоточенно тереть правый висок.

Неужели боль не прошла со вчерашнего дня?..

Из кинотеатра мы вышли молча.

– Может, зайдём в кафе? – предложила Аня.

– Да. Я очень голоден. Думаю, «Суши-хаус» нам подойдёт.

– Тебе понравился фильм?

– Если честно, нет. Он слишком сентиментальный. И я предпочитаю действие, а не размышления.

– Быть бессмертной ужасно. Я не смогла бы смотреть, как старятся мои близкие.

– А мне кажется, что ради бессмертия можно пожертвовать всем. Уж лучше быть одиноким, но жить вечно.

– Нет. Любовь главнее всего. Жертвовать ей – самое ужасное преступление.

Администратор кафе поприветствовал нас и жестом указал на свободные столики. Мы сели в углу, подальше от других посетителей.

Официантка принесла нам меню. Мы заказали набор из трёх видов роллов и чайник цитрусового чая.

– У тебя очень красивый костюм, – сказала Аня.

– Спасибо. Но я лишь надел то, что удалось найти в гардеробе.

– Тебе очень идёт.

– Не больше, чем тебе идёт это платье, – ответил я, слегка смутившись.

– Послушай... мне иногда становится очень грустно. Я чувствую, как из меня медленно уходит жизнь. Я забываю, что делаю. Бреду по городу и... не помню, куда.

– Мы просто слишком устали в этом году.

– Нет. Десятый класс ничуть не сложнее девятого. Поймешь ли ты... но я становлюсь непохожей на себя. Словно схожу с ума... Пытаюсь сбежать от собственных мыслей.

– Я могу тебе помочь?

– Мне никто не может помочь. Даже ты. Пожалуйста, давай поговорим на другую тему. Время для исповеди ещё не настало.

– Хорошо. Несут наш заказ.

Я разлил чай по чашкам.

Мы ели и рассуждали о том, куда было бы хорошо отправиться на каникулах, как провести ближайшие выходные... Словом, обо всём, что приходит в голову двум семнадцатилетним подросткам (почти семнадцатилетним: Аня ещё не перешагнула через свои шестнадцать).

Спустя двадцать минут Аня прислонила ладонь к горящему лбу.

Боль вновь давала о себе знать.

– У меня в сумке есть анальгин. Мама положила. Давно.

– Спасибо. Не надо. Сейчас утихнет.

В это верилось с трудом.

– Я хочу на улицу, – голос Ани звучал словно издалека.

Я попросил принести счет.

Мы вышли из торгового центра.

Аня прислонилась к перилам каменной лестницы и долго не сводила глаз с парковки. Я стоял рядом.

Никто из нас не говорил ни слова.

– Тебе плохо? – спросил я, желая прервать растянувшееся молчание.

– Сейчас пройдёт, – Аня силилась придать голосу бодрость. – Давай вызовем такси.

– Хорошо. Я позвоню.

Аня вцепилась в металлический поручень.

– Помогите мне спуститься, – попросила она, не поворачивая головы.

Холодная рука девушки крепко сжала моё запястье.

Когда мы преодолели половину ступеней, меня потянуло назад.

Аня потеряла сознание. Я едва успел её подхватить.

Восковые гортензии упали на горячий мрамор лестницы.

Никого не было рядом.

Неудивительно.

В середине рабочего дня возле торгового удастся (если повезёт, конечно) встретить лишь небольшое скопление пенсионеров, студентов и школьников. С началом каникул последние штурмуют магазины в поисках новых компьютерных игр, вкусной еды и интересных фильмов. Но сегодня всё словно затихло.

Я слегка наклонил голову Ани и прижал пальцы к сонной артерии, нащупывая пульс.

Сердце билось ровно.

Я звал Аню по имени, согревал дыханием её ладони, беспомощно озирался по сторонам в поисках прохожих, но с каждой минутой всё больше убеждался в тщетности своих попыток.

Девушка поникла на моих руках.

Неестественно сжимавшиеся губы придавали лицу строгий вид.

Я набрал номер «скорой». В трубке послышались перемежающиеся с треском и помехами гудки. В этот момент за поворотом мелькнула жёлтая «Нива». Приехало такси.

Дождавшись, пока автомобиль займёт одно из парковочных мест, я приподнялся и махнул водителю.

Полный усатый мужчина подбежал к нам.

– Что случилось?

– Она потеряла сознание. Я хотел вызвать «скорую», но увидел вас...

– В центральную городскую?

– Да.

Мы вместе положили Аню на задний диван.

Городские улицы постепенно наполнялись транспортом, и маневрировать в потоке было тяжело. Кондиционер не работал (как и другая электроника в этой машине), поэтому нам пришлось открыть все четыре окна. От этого салон не перестал походить на жаровню.

«Нива» резко остановилась перед воротами больницы.

Когда мы вошли в приёмную, к нам бросилась медсестра, заполнявшая ветхий журнал за круглой деревянной стойкой.

– Что с ней? – спросила женщина у таксиста, который держал Аню на руках.

– Она потеряла сознание полчаса назад, – ответил я.

– В себя приходила?

– Нет. Я пытался помочь, но...

Санитар ввёз в приёмную каталку.

– Вы отец? – медсестра подозрительно посмотрела на растерявшегося водителя.

– Нет. Я таксист.

– А вы кто? – женщина обратилась ко мне.

– Друг...

– Можете остаться здесь... И позвоните её родителям, если у вас есть телефон.

– Хорошо.

Я протянул таксисту две слегка помятые купюры и сел на облезший кожаный диван.

В списке контактов я отыскал номер Аниной мамы.

– Алло, – почти шёпотом сказала взявшая трубку женщина.

– Здравствуйте. Это Саша, одноклассник Ани.

– Да... Что-то случилось? – голос становился громче.

Я слышал, как захлопнулась дверь. Видимо, Ольга Игоревна была на совещании. Она руководила крупной компанией.

– Приезжайте, пожалуйста. Аня в больнице. В центральной городской. Я тоже здесь.

– Почему она там?

– Ей стало плохо в торговом центре... Сильно заболела голова. Потом она потеряла сознание...

Неужели так трудно придумать более связную фразу?

– Я буду через пятнадцать минут. Дождись меня.

Я встал и принялся рассматривать длинный коридор поликлиники. На стенах висели плакаты и документы, лицензии и выписки из истории болезни пациентов, победивших страшный диагноз.

Не хочу говорить о том, что минуты превратились в вечность, повторяя слова из множества фильмов и книг, но это действительно было так.

За окнами мелькали проезжающие машины, в приёмной то и дело звонил телефон, большие монотонно переходили из одного крыла в другое, шелестя резиновыми тапками по кафельной плитке...

Я развернулся, краем глаза заметив ещё один плакат возле рентген-кабинета, и вышел на улицу.

Крыльцо больницы оказалось на удивление ветхим. Перила, обитые чем-то, напоминавшим линолеум, тянулись вверх, прижимаясь к потрескавшейся стене. Пандус испещряли глубокие выбоины. Интересно, для кого служило это приспособление?

Явно не для инвалидов.

Я спустился по лестнице и сел на лавочку возле витиеватого железного забора с пиками, выкрашенными в золотистый цвет перед днём города.

Кто-то затормозил неподалёку от тротуара. Я оглянулся. Мама Ани выходила из чёрного Audi. Небрежно захлопнув дверь, она подбежала ко мне.

– Что с моей дочерью?

В руках женщина нервно теребила ключи от машины.

– Её куда-то увезли... Пойдёмте.

– Как это произошло?

– Она упала в обморок в торговом центре. Мы сидели в кафе. У Ани заболела голова...

Думаю, вам стоит поговорить с врачом.

Неужели так трудно придумать более связную фразу?

Зелёные глаза Ольги Игоревны впивались в мои.

– Что с Аней? – закричала она, открыв дверь в приёмную резким движением руки.

– Кто вы? – сорванным голосом прохрипела ошеломлённая медсестра.

– Простите... Я Ольга Вильчинская. Мама Анны. Только что привезли девочку.

– Сейчас придёт врач. Я ничего не могу сказать.

Ирина Васильевна, которую медсестра вызывала осматривать Аню, спустилась по лестнице и на высоких каблуках вплыла в приёмную. Белый халат был накинут поверх фиолетовой блузки и застёгнут на одну пуговицу. Она отозвала маму Ани в сторону.

Из их разговора я понял, что Ане предстоит обследование. Сейчас она лежала под капельницей.

– Пять месяцев назад Аня превратилась в замкнутого и неразговорчивого ребёнка, – сказала Ольга Игоревна, когда врач ушла. – Вечерами я не могла зайти в её комнату, потому что она запирала дверь и никого не пускала.

– На самом деле она мучилась от головной боли.

– Она говорила тебе?

– Да.

– Где вы были сегодня?

– В кино, а потом обедали в «Суши-хаусе».

– Аня мне даже не позвонила... Я вернулась из командировки утром и сразу же отправилась в офис. Спасибо за помощь. Я могу отвезти тебя домой.

– Было бы здорово... И, пожалуйста, напишите мне сообщение о том, что Аня очнулась.

– Конечно.

Сев в машину, Ольга Игоревна нажала на педаль «газа». Audi не сдвинулся с места.

– Двигатель забыла запустить, – объяснила Анина мама.

Ольга Игоревна была рассеянной. Она не понимала, что делает и куда едет.

Навигатор гневно заверещал, когда мы пропустили нужный поворот.

Смог становился темнее. Облака сгущались.

Вскоре на «мускулистый» капот брызнули первые капли дождя. По улицам устремились потоки мутной воды, собирая грязь, скопившуюся на тротуарах.

Ольга Игоревна затормозила около моего подъезда. Я взял сумку с заднего кресла и мягко захлопнул дверь.

Мне не хотелось возвращаться домой, ведь вся моя жизнь умещалась на небольшом пространстве от спальни до гостиной.

Я целыми днями ходил по квартире с книгой или планшетом в руках... Этот удивительно разнообразный сценарий предстояло отработать и сегодняшним вечером.

Немного постояв под крышей, я вошёл в подъезд. Лифт уже ждал меня на первом этаже. Заходя в кабину, я едва не уронил ключи прямо в шахту.

По всей квартире были разбросаны вещи. Утром я перевернул гардероб. После в спешке приготовленного завтрака кухня выглядела так, словно её не убрали неделю. Над невытой тарелкой жужжали мухи.

Я понял, чем себя занять.

Через тридцать минут раздался звонок.

– Аня пришла в себя!

– Когда?

– Только что. Она помахала мне рукой из-за стеклянной перегородки реанимации. Врачи сказали, что пока ничего не известно. Нужно дождаться результатов анализов. Утром сделают томографию.

– Хорошо. Держите меня в курсе.

– Да... Я поеду на работу, потому что в больнице буду только мешать. Завтра нам разрешат навестить Аню.

– Спасибо. До свидания.

– Пока.

Звонок Ольги Игоревны заставил меня улыбнуться.

Я не знал, что этот день навсегда изменит нашу историю.

II

Апельсиновое мороженое

Родители вернулись поздно. О том, что они вообще были дома, я узнал утром из записки, оставленной на столе мамой: «Твой отец получил повышение! Прости, что задержались. Попали в пробку на МКАДе».

Часы показывали половину одиннадцатого, а значит, Ольга Игоревна могла позвонить в любую минуту. Обычно пациентов переводят в палату не позже десяти.

Телефон загудел лишь через два часа.

– Привет! Ты не занят?

– Доброе утро! Нет. Как Аня?

– Она хочет видеть тебя. Я заеду за тобой?

– Да.

Я надел майку, серые бриджи и кеды и вышел на улицу. После дождя высокое синее небо блестело ослепительной чистотой.

Audi остановился неподалеку от парковки для жителей дома.

Ольга Игоревна слегка кивнула в ответ на моё приветствие. Макияж скрывал болезненную черноту её лица.

Она плакала.

– Что-то случилось? – робко спросил я, когда машина сорвалась с места.

– Да... Нет... Ты сам обо всём узнаешь, – сказала Ольга Игоревна, убирая ногу с педали «газа», которую опустила слишком низко.

Тонкая шпилька резала шерстяной коврик.

– Что-то с Аней?

– Всё в порядке.

Ольга Игоревна вытерла глаза рукавом блузки, размазав синюю тушь.

Мы мчались по улицам, высоко поднимая брызги дождевой воды. Ольга Игоревна вращала руль дрожащими руками. На огромной скорости машина ввинчивалась в повороты.

Нам сигналили и кричали водители.

Седан бросало из стороны в сторону.

Когда мы вылетели на встречную и остановились всего в нескольких сантиметрах от маленькой Daewoo, я понял: произошло что-то ужасное.

– Прости, – бросила Ольга Игоревна, – я не владею собой.

До больницы мы ехали уже спокойно. Анина мама старалась держать себя в руках.

– Аня в семнадцатой палате. Иди. Я сейчас, – сказала Ольга Игоревна.

Я поднялся на второй этаж поликлиники и очутился в плохо освещённом коридоре. Солнечные лучи едва проникали сквозь закрытые жалюзи, а половина подвешенных к потолку ламп уже давно перегорела. На лестничной клетке о чём-то беседовали пожилые мужчины.

Сердце учащённо билось. Перед глазами молниеносно мелькнул вчерашний день...

Что если...

Нет.

Я не буду об этом думать.

Я осторожно заглянул в палату. Аня лежала на кровати возле окна.

– Привет, – сказала она, отложив книгу, которую держала на согнутых коленях.

– Привет. Как ты?

Я сел рядом с Аней.

– Нормально. Уже гораздо лучше.
– Что с твоей мамой? Она сама не своя.
– Она сказала тебе?
– Только о том, что ты хочешь меня увидеть.
– Я попросила её заехать за тобой. Мне сделали томографию. Сегодня утром меня повезли в какой-то зал и положили внутрь большой белой штуки. Она загудела. А потом... Хм... Я никогда не забуду лица врачей. Они смотрели то на меня, то на полученные снимки, то на зелёные стены, то снова на меня... Спустя час были готовы результаты других анализов.

– И?..
– Я живой труп... Ну или мертва душа, как говорил Гоголь.
Аня усмехнулась и развела руками.
– Я ничего не понимаю.
– У меня глиобластома четвёртой стадии.
Глиобластома.
Четвертой.
Стадии.
– Что это? – спросил я, тщетно пытаюсь понять значение неизвестного медицинского термина.

– Дрянь, которая живёт в моём мозгу! – закричала Аня.
– Это из-за неё у тебя болела голова?
– Да. Она убивает меня. День за днём. Врачи решили не скрывать подробностей моего диагноза. Они так мило со мной беседовали...

– Что они сказали?
– У меня нет шансов.
– Они же не оставят тебя умирать...
– Оставят. Я продержусь ещё пару месяцев. Если бы терапевт, который выписал мне те идиотские таблетки, заметил хоть что-то подозрительное и направил меня сюда, я прожила бы несколько лет... Сошла бы с ума от химиотерапии, постоянных уколов, лекарств и операций. По удалению самой опухоли. По удалению рецидива. А потом по вскрытию, конечно же.

– Но ведь тебя могли спасти... Разве жизнь не стоит того, чтобы за неё бороться? Почему ты так долго молчала? Почему делала вид, что всё хорошо? Есть же другие врачи...

– Спасти? Ты называешь жизнь на таблетках спасением? Да я бы с радостью пила их каждый день, если бы они гарантировали нормальное существование, а не просто облегчали симптомы болезни, помогая хоть как-то дожить до следующего приёма онколога.

– Но... Ты... Нет... Ты не умрёшь. Твоя мама... Она тебя вылечит... Есть куча клиник в Германии, Израиле... Где угодно.

– Теперь она может только купить мне дорогой гроб.

Моё сердце упало куда-то вниз.

– Не надо так...

– А как? – крикнула Аня, швырнув книгу на пол и закрыв лицо руками.

– Я не знаю, что сказать, – еле слышно произнёс я.

Мне хотелось только одного: не видеть этих обжигающих глаз...

– А я не знаю, как жить дальше. Скоро мы вернёмся домой, мама бросит работу, будет сидеть рядом, дежурить ночами возле моей кровати, звонить в «скорую», как только начнётся очередной приступ. Мне будут колоть обезболивающие, которые превратят меня в наркомана... Я очень тяжело больна. Я – аномалия, продолжающая жить по инерции.

– Всё будет хорошо...

– Всё будет хорошо? Ты издеваешься?! Я умираю. У-ми-ра-ю. И ты, мой единственный друг, говоришь мне такие вещи?! Всё было бы более или менее хорошо, если бы мама не знала о моём диагнозе... У меня нет никого, кто сможет меня поддержать... Не думай о себе. Я не хочу видеть тебя на моём смертном ложе.

– Я буду с тобой. Даже если ты этого не хочешь.

– Лучше позови медсестру.

Аня легла на подушку и закрыла глаза.

– Саша? – уставилась на меня Ольга Игоревна, когда я вышел в коридор.

– Я знаю... Аня просила позвать медсестру.

– Я схожу.

Ольга Игоревна прижала к лицу большой кружевной платок и быстрым шагом направилась к лестнице. Спускаясь, она сломала каблук.

Между дверями палат висели плакаты, похожие на те, что я видел вчера в приёмной. Истории больных, смешанные с рассказами родственников и врачей, вселяли уверенность в силе человеческого духа.

Не думаю, что на пациентов они действовали так же.

Ольга Игоревна привела врача. Ирина Васильевна вернулась через десять минут.

– Аня спит. Я дала ей успокоительное.

– Спасибо, – поблагодарила Ольга Игоревна.

– Вам нужно отдохнуть. Поезжайте домой. Завтра вы сможете забрать Аню. Держитесь. Вы ей очень нужны.

– Я посижу здесь. Я не устала.

Я спустился на первый этаж, миновал огромный зал приёмной и утонул в волнах принесённого западным ветром дыма. Только на улице я заметил, что забыл повесить халат на крючок. Пришлось вернуться и встретиться взглядом с рассерженной медсестрой, которая уже бросилась меня догонять.

Ясное небо затягивали тучи. Прибитая вчерашним дождём пыль кружилась по улицам и больно жалила глаза.

Я свернул в городской парк.

Цветными стёклами витражей на меня смотрело кафе около фонтана. Открытая деревянная дверь скрипела, словно хотела сорваться с петель.

Сорваться с петель.

Дурная примета.

– Вам принести меню, или выберите летний завтрак? Сегодня мы предлагаем капучино и апельсиновое мороженое, – сказал официант и улыбнулся, видимо, пытаясь выглядеть дружелюбным, что совсем не шло человеку с такой комплекцией. Огромный торс в сочетании с диковатым загорелым лицом создавал образ типичного жителя одной из колониальных стран Африки.

– Летний завтрак, – ответил я.

В ожидании заказа я разглядывал пурпурно-розовое небо.

Витражное стекло...

Иллюзия, создававшая тёплое настроение в самую плохую погоду.

В тот день она не сработала.

Я хотел видеть настоящее небо с его свинцовыми тучами, навевавшими невыносимую тоску...

«Summertime sadness»²...

Мне не хватало именно этой песни. Я достал наушники из сумки.

² «Летняя грусть». Название песни Ланы Дель Рей

«Kiss me hard before you go»... «Сильно поцелуй меня, прежде чем уйдёшь»...

Прежде чем уйдёшь...

«Summertime sadness»... «Летняя грусть»...

Прежде чем уйдёшь...

Все мои мысли превратились в одно пустое слово.

«Глиобластома».

Слово, с которым мне предстояло жить ближайшие восемь недель, каждый день видя гаснущий свет в глазах Ани и думая только о ней... Не о Ане – о глиобластоме.

Официант опустил поднос на стол. Горячий кофе расплескался.

Оранжевое мороженое напоминало летнее солнце. Я зачерпнул его ложечкой и поднёс ко рту. Солнце оказалось очень холодным.

Начался дождь. Витраж покрылся крупными каплями. Где-то далеко прозвучал раскат грома.

Я смотрел на мороженое – крохотный шарик, таявший в красивой серебристой подставке. Я знал, что, пока наслаждаюсь цитрусовым запахом, за сотню метров отсюда шарик, похожий на этот, медленно убивает моего единственного друга.

«Kiss me hard before you go»...

Дождь громко стучал в окно. Цветные отражения капель ползли по деревянному полу, исчезая в свете ламп.

На землю с треском падали крупные градины.

Я допил латте и попросил принести счёт.

Когда я вышел из кафе, на меня обрушилась волна озноба. Под ледяным дождём одежда намочила и прилипла к телу, заставляя дрожать каждый мускул.

В парке не было никого. Фонтан отключили.

Я брёл по тротуару, огибая цветочные клумбы, на которых, прибитые к земле, умирали синие фиалки и жёлтые настурции. Розовые кусты, посаженные у лавочек, разбрасывали лепестки белоснежных цветов, укрывая ими мокрую землю.

Ветер вырывал сумку из рук.

Часы встали.

Я думал, что играю роль в одном из современных фильмов, где дождь сопровождает любую неприятную сцену, а вымокший до нитки герой идёт по городу, корча из себя бесконечно несчастного человека. Прекрасный момент, чтобы зрители начали нервно промокать глаза носовым платком. Особенно пронизательные полагали, что в фильме обязательно кто-нибудь умрёт.

Постепенно дождь заканчивался. Из-за туч пробивался робкий свет солнца.

День только вступал в свои права.

Я очнулся, когда вышел из парка, и машинально остановился, увидев красный сигнал светофора. У меня закружилась голова, и, чтобы не упасть прямо на дорогу, я уцепился рукой за длинный металлический столб со знаком пешеходного перехода.

В бессознательном состоянии я добрался до дома, толкнул тяжёлую дверь подъезда, поднялся на лифте, перешагнул порог квартиры и бросил ключи на столик.

Открыв глаза спустя шесть часов, я понял, что лежу на полу своей комнаты в мокрой, но уже тёплой одежде. Родители совсем скоро должны были вернуться с работы.

Пришлось подняться, наспех переодеться и отправиться на кухню, чтобы вскипятить чайник. Из зеркала, прибитого прямо над обеденным столом (мама не нашла места лучше и неделю назад перевесила его сюда из гостиной), на меня смотрел растрёпанный подросток с безумными зрачками, один из которых выглядел больше другого.

Родители приехали в половине восьмого. Мы сели за стол. Мама не сводила глаз с моего лица. Чтобы не выслушивать очередную тираду о психических расстройствах у современной молодёжи, мне пришлось рассказать об Ане.

Умное «глиобластома» я заменил на понятное «рак головного мозга». От этого приговор стал менее очевидным.

Смерть не обращает внимания на синонимы.

Последовали глубокие затажные вздохи, советы и выдержки из учебников тайской медицины, которые мама использовала для лечения нашей семьи и соседской кошки.

– Ей осталось два месяца.

Оживившийся взгляд мамы (он всегда оживлялся, когда она говорила о тайской медицине) погас.

– Нам очень жаль, но... ты не должен страдать из-за того, что твоим одноклассникам плохо. У тебя уставшие глаза... Просто пойми, что никому из нас не дано жить вечно, – сказала мама, стараясь быть деликатной. Ей это не удалось.

– Причины моих уставших глаз не станут через восемь недель. Надеюсь, это не слишком большой срок. Я пойду к себе.

Мама хотела меня окликнуть, но решила, что это бессмысленно.

Я захлопнул дверь своей комнаты и лёг на кровать, уткнувшись лицом в подушку.

Вспоминая тот день сейчас, я удивляюсь точности, с которой могу пересказать неуловимые детали.

Человеческий организм никогда не забывает моменты проявления своей защитной реакции.

Естественная реакция моего организма на глиобластому Ани заключалась в неприязни ко всему окружающему миру...

Оказывается, горечь утраты – не режиссёрская и писательская выдумка, а реальная перспектива.

Я спал без снов.

III

Осколки

Утро выдалось удивительно ярким.

Я встал чуть позже девяти. Обычное для каникул время, но мне казалось, что я проспал целую вечность.

Вместе со мной оживало и ненавистное слово. Оно больно стучало в ушах; я зажал их руками, идя в ванную.

Я до конца открыл кран, и меня накрыл водопад ледяной воды.

Точь-в-точь как вчера.

От холода костлявые пальцы мгновенно посинели. И никакого прилива бодрости. Закаливание по утрам – бесполезная вещь.

На завтрак были тосты. Вместо яичницы у меня получилось запечённое месиво из белков, желтков и скорлупы, которая полетела в сковороду вместе с яйцами. «Омлет» нашёл свой последний приют в мусорной корзине.

Пиликнул телефон, забытый на кухонном столе во время вчерашнего ужина.

– Я вернулась, – сообщило выскачившее уведомление.

Мама забрала Аню из больницы.

– Хорошо, – ответил я.

Я не знал, что написать.

Я не знал, что нужно говорить, когда человека отправляют умирать домой.

– Зайдёшь ко мне? Выберем гроб.

– Ок. Но насчёт последнего сомневаюсь, – быстро набрал я и, заблокировав телефон, бросил его на одно из кресел, составлявших (как говорил папа) «мягкий уголок». Громоздкая конструкция из мебели напоминала его весьма отдалённо.

До дома Ани я шёл меньше пяти минут.

Высокое четырнадцатизэтажное здание располагалось в соседнем квартале, напротив детской площадки, которая за последние годы превратилась в превосходные декорации для киносъёмок.

Старые, проржавевшие качели скрипели, песочница, наполненная грубым речным песком, выставляла напоказ отсыревшие и кое-где сгнившие доски. Пока ещё целые прутья выломанных лавочек прикрывали куски фанеры.

В воздухе нестерпимо пахло канализацией. И как они тут живут?.. Я поморщился и позвонил в домофон.

Сорок вторая квартира находилась на седьмом этаже. Лифт не работал, поэтому пришлось искать лестницу и подниматься пешком, наталкиваясь по пути на мусор, разбросанный самими жильцами.

Меня встретила Аня.

– Привет.

– Привет.

Я переступил широкий порог квартиры.

В середине учебного года я уже был здесь. Я помню стены длинного коридора, оклеенные жёлтыми обоями, чёрную вешалку, такого же цвета гардероб и тумбу с кучей расчёсок, кремов и пузырьков, на которых красовались золотистые эмблемы Chanel.

Тогда я приходил к Ане помочь доделать плакат, посвящённый неделе географии в нашей школе.

Теперь я пришёл выбирать гроб.

С кухни доносились запахи неаполитанской лазаньи (любимого блюда семьи). Ольга Игоревна выглянула из-за полуоткрытой двери и помахала мне рукой. Я кивнул в ответ.

Работа давала Аниной маме драгоценную возможность думать о чём-то другом.

Мы проследовали в спальню, такую же, как и полгода назад: те же цветы в кашпо, те же картины, похожие на неумелые детские рисунки, те же бордовые шторы...

В отличие от хозяйки, комната не изменилась.

– Смотри, – махнула рукой Аня, садясь в кресло возле компьютерного стола, – как думаешь, этот подойдёт?

Меня поразило огромное количество вкладок на сайте похоронного агентства. «Крупная компания «Последний путь» (так было написано в самом верху окна) предлагала широкий ассортимент оград, памятников и всего, что могло понадобиться для отпевания и похорон.

В разделе «Гробы и урны» Аня выбрала лакированный гроб, обитый красным бархатом изнутри.

– Мне нравится этот! Очень удобно! – воскликнула она и засмеялась, – а этот? Как ты думаешь?

На экране появился дорогой гроб с жёлтым крестом на крышке.

– А этот?!

Аня распалялась всё больше, беспорядочно щёлкая по ссылкам.

– А этот?! А этот?! Смотри! Почему ты молчишь?! – Аня с яростью начала теревить меня за плечо, – Смотри! Я хочу, чтобы ты видел! Ты будешь кидать землю на его крышку через два месяца. Ты будешь нести к нему цветы! Смотри же!

Я отвернулся от экрана.

– Хватит, – твёрдо сказал я.

– Хватит?! – Аня стукнула кулаком по столу. Стеклянная мышь отлетела в сторону. – Хватит?! И это говорит мне человек, у которого впереди целая жизнь, зная, что мне осталось мучиться не больше восьми недель?! Хватит?! Я ненавижу вас всех, ненавижу за то, что вы переживёте меня! Маму ненавижу, тебя ненавижу, врачей ненавижу! Вы... Все вы создаёте иллюзию того, что страдаете вместе со мной, но это не так! Вы жили и будете жить, а я умру.

Аня обхватила голову руками и упала на стол.

– Обними меня, – захлёбываясь слезами, прошептала она.

Я подошёл ближе и прикоснулся к хрупким плечам. Аня повернулась ко мне. Вскликая, она зарывалась лицом в складки рубашки, медленно намокавшей от слёз.

– Прости меня.

Я не ответил. Лишь крепче сжал Аню в объятиях.

Я понял, каким идиотом был все эти пять лет, как бессмысленно дорожил своим одиночеством – самым страшным состоянием человека, обещавшим вскоре накрыть меня с новой силой.

В голове мелькали слова песни. Нет, не «Summertime sadness» – «Deathbeds»³.

«Don't try to fight the storm. You'll tumble overboard. Tides will bring me back to you»⁴.

– Прости, – повторила Аня. – Я больше никогда не буду кричать на тебя. Только... пообещай, что не бросишь меня... Ведь ты – единственный человек, которому я доверяю.

– Обещаю.

Вместо упавшей мышки мы нашли под кроватью грудку осколков.

– Лазанья готова! – прозвенел голос Ольги Игоревны. – Идите обедать.

³ «Смертное ложе для двоих». Название песни британской группы Bring Me the Horizon

⁴ «Не пытайся бороться со штормом: ты упадёшь за борт, а приливы принесут меня к тебе»

– Мама пытается себя занять. Вчера ей сказали, что меня уже не спасти даже в иностранной клинике. Она проплакала всю ночь. Заперлась в комнате и обложила подушками, чтобы я её не слышала. Она не знает, но я делаю так же. Я не голодна, кстати. Да и мама редко готовит сама... Лазанью нам обычно привозили из ресторана.

– Давай не будем её обижать, – попросил я, ощущая, что за утро успел проголодаться. На застеленном белой скатертью столе стояло три прибора.

– Садитесь. Я мигом, – пригласила Ольга Игоревна и вышла из кухни.

Она вернулась в ярко-красном платье, едва прикрывавшем колени. Шею обвивало искрящееся жемчужное ожерелье.

– А у нас праздник! Сегодня седьмое июня! Я решила всегда отмечать этот день! Здорово, правда?! – засмеялась Ольга Игоревна.

– Мама, с тобой всё хорошо? – спросила Аня.

– Всё замечательно! Сегодня праздник, и всё должно быть замечательно!

– Сегодня обычный день. Ты не думала?

– Нет! Давайте веселиться! Аня, к тебе пришли гости. Это так прекрасно! Хотите вина?

Анина мама принялась открывать бутылку, но та сорвалась с края столешницы и разбилась о кафель.

– Я уберу, – пробормотала Ольга Игоревна и начала рассеянно сметать осколки.

– Мама, взгляни на меня! – воскликнула Аня. – Зачем ты всё это сделала?! Зачем ты устраиваешь праздник в день, с приходом которого я становлюсь ещё ближе к смерти?!

– О чём ты говоришь? Девочка моя, ты цветёшь! – захлопала в ладоши Ольга Игоревна. Аня встала из-за стола и выбежала в коридор, прижимая к лицу дрожащую ладонь.

– Пойдём, – крикнула она мне. – Куда угодно. Пожалуйста.

Анина мама вытаскивая пробку из второй бутылки вина.

– Похоронное, – прокомментировала Аня своё платье, когда мы вышли на улицу.

– По-моему, ты надевала его на выпускной в прошлом году.

– Да. И с тех пор надеваю его, если мне становится грустно... Ты же помнишь, как в тот день твоя любимая Маша пожелала мне закопать себя на кладбище за то, что я танцевала с тобой.

– Пойдём в парк, – предложил я и взял Аню за руку.

Мы дошли до фонтана и сели на лавочку возле кафе, в котором я ел апельсиновое мороженое вчера. Сегодня у порога, небрежно разбросанные, лежали острые листья клёна. Дворник, нагибаясь и крихтя, собирал их в синий мешок для мусора. Фонтан бил вверх переливающимися струями васильковой воды, играя лучами медленно выплывавшего на середину неба болезненного городского солнца.

Аня положила голову мне на плечо. Я чувствовал, что её лоб горит.

– Что случилось с моей мамой?

– Думаю, ей просто очень плохо.

– В этом наряде она праздновала день рождения. Скажи ей, чтобы оделась так же на мои похороны.

– Она твоя мама. И она пыталась тебя отвлечь...

– Себя она пыталась отвлечь. Развлечь точнее. Знает, что я скоро умру и устраивает праздник. Я не хочу ждать два месяца и медленно терять рассудок... Я уже давно...

Из колонок над нами зазвучала музыка. Кафе открылось.

«Never let you down»⁵.

«Я никогда не подведу тебя».

Я встал со скамейки.

⁵ «Никогда не подведу тебя». Название песни, исполненной Woodkid и Lykke Li

– Что ты делаешь?

Я осторожно обнял Аню за талию.

Её руки замерли на моих плечах.

Мы медленно закружились в танце. Я старался не наступать Ане на ноги, но я не умею танцевать...

Этот медляк оставил след на её лакированных туфлях.

Когда мы приблизились к фонтану, нас обдало брызгами, и мы отступили назад. Аня прижалась к моей груди. Мокрые волосы облепили рубашку...

Эти четыре минуты я до сих пор почти не могу вырвать из своей памяти. Словно сон, исчезающий после пробуждения.

Я помню только, что музыка закончилась.

– Выпьем кофе? – спросила Аня.

– Давай.

– Я тебя приглашаю. Вчера мама сделала мне подарок. Приехав домой из больницы, я нашла на своём столе конверт с кредитной картой. Мама сказала, что здесь хватит денег на всё, что я хочу. Если бы я хотела того же, что и мама... А мама моя не хочет ничего, кроме дорогих нарядов, сумок, украшений и техники. Смешно, но... приятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.